

Александр Галяс

«Мы жили тогда на планете другой...»

В историю Одессы Олег Сташкевич войдет, скорее всего, как автор слова «Юморина». Он придумал его полвека назад, хотя авторское свидетельство сумел оформить лишь много лет спустя, да и то не без скандала. Между тем в этой самой истории Сташкевичу принадлежит более заметное место. Прежде всего, он один из первых славной когорты одесских кавээнщиков: актер команды «Трубочистов», режиссер команды Института народного хозяйства, ставшей чемпионом Клуба веселых и находчивых сезона 1971-72 гг.

Тут позволю себе привести отрывок из моей книги «КВН «Одесского разлива», где речь идет как раз о команде нархоза.

«В этом сезоне особенно развернулся режиссерский талант Олега Сташкевича. Он выиграл у соперников все приветствия и домашние задания», – подмечено в журнале «Фонтан». И это тем более значимо, что первую половину сезона Олегу пришлось еще и готовить дипломную работу, которой он доблестно завершал свое семилетнее пребывание студентом Одесского технологического института пищевой промышленности имени Ломоносова. Диплом он благополучно защитил вскоре после победы над уфимцами, получив квалификацию «инженер-электрик» по специальности «дозиметрия и защита», после чего был устроен в нархоз на должность инженера лаборатории технических средств с окладом сто рублей. Что дало мне повод сочинить очередной «дружеский пасквиль»:

Сташкевич ляжет животом,
Чтоб людям было весело.
Ведь хобби у него – диплом,
А КВН – профессия.

В общем-то, так оно и случилось. После того как на ЦТ игру закрыли, Олег создал при Дворце студентов Театр КВН, где, кстати, впервые раскрылось актерское дарование Янислава Левинзона. В этом и других коллективах он поставил несколько интересных представлений, с одним из которых в 1983 году выиграл республиканский театральный конкурс самостоятельных работ, разделив победу с постановкой будущего создателя киевского Театра на Подоле народного артиста Украины Виталия Малахова. И кто знает, каких творческих высот в театре он мог бы достичь, если бы год спустя после этого успеха не случился скандал с его спектаклем по знаменитой пьесе Льва Славина «Интервенция»! После чего Олегу «перекрыли кислород», и он уехал в Москву, став литературным секретарем и ближайшим помощником Михаила Жванецкого.

Практически все его театральные работы в Одессе созданы в эстетике так называемого «бедного театра», когда максимально используются минимальные постановочные возможности. Этой стилистикой Олег блестяще овладел именно в КВНе».

В нархозовской команде я с Олегом и познакомился. А двадцать лет назад, летним вечером 2003 года, как-то состоялся у нас вечер воспоминаний, следствием чего стал материал, опубликованный в «Одесском вестнике». Но в силу извечной проблемы всех на свете печатных изданий – нехватки площади – кое-какие моменты пришлось упустить. В этой публикации я восстановил полный текст нашей беседы о том городе, который сейчас, через десятилетия, действительно можно увидеть «только во сне»...

– «Школьные годы чудесные»... Эта песня родилась как раз в пору твоей учебы в школе. Они действительно были чудесными?

– Первая моя школа была маленькой, номер пятьдесят три на улице Подбельского. Там заставили надеть форму. По-моему, там были симпатичные учителя, домашняя уютная школа. Во дворах вокруг жили одноклассники. Садовая, Петра Великого – вот этот район.

Помню двор школы. Дочка дворника, с которой мы соревновались, кто больше знает нехороших слов, – такая была дружба детская, еще детсадовская.

Потом я попал в сорок седьмую, которая мне жутко не нравилась. Ушел оттуда с криком, со скандалом, с единицей по математике. Затем мы переехали на Преображенскую угол Большой

Арнаутской в новую квартиру. Меня отдали в сто восемнадцатую, и вот от нее – главные впечатления. По-настоящему воспитание появилось именно там. Замечательные учителя, замечательная школа, район Привоза, необычные люди.

Мы многое узнавали в школе, хотя все разгильдяями были – район Привоза все-таки... Казенили, была куча хулиганья, но за дисциплиной следили, отмечали, кто был в школе, кто не был, вызывали родителей... Сейчас практически все мои одноклассники разъехались, очень редко кого встречаю.

Учителя, которые учили Жванецкого, – каждый из них был личностью. Александр Александрович Большой, которого я встретил недавно в Германии... Алла Давыдовна, которая жила на Дерибасовской, 1, была классным руководителем. Украинский язык я довольно прилично знаю, и благодарен школе за это. Английский язык, который в школе был нам ни к чему, но после, когда пришлось учить его, чтоб ездить и понимать, вдруг всплыло все то, что Людвиг Юльевич Трайновский в нас заложил. Мы называли его Котел с Дыркой...

Тогда многие учителя прошли фронт, кто-то был ранен. Александр Александрович был на фронте, Роман Давыдович, географ, просто замечательный человек.

Строгие, подтянутые люди.

Побаивались завуча, не помню ее имени-отчества, а директор – это было что-то запредельное. Хотя Иван Дмитриевич Сердюк нами особо не занимался, к нему в кабинет попадали только самые злостные хулиганы. У Жванецкого об этом написано (Жванецкий окончил сто восемнадцатую несколькими годами раньше Сташкевича. – А. Г.).

– Все говорят, кто в то время учился, что многие из учителей были яркими личностями. Но вот как это сочетается с эпохой, когда так мало было дозволено и столь жесткими были информационные рамки?

– Что способствовало тому, что наши учителя были яркими, не зажатыми, широкими личностями? Думаю, то, что они были интеллигенцией. Одесской интеллигенцией. Более свободомыслящие, чем другие, более толерантные.

Алла Давыдовна, Роман Исаакович, Роман Давыдович... Это были люди, вышедшие из еврейских семей, нелегко добывавшие знания, но впитавшие одесско-еврейскую культуру еще в детстве. Еще их огромный опыт житейский, война... Вот это и составляло суть одесского интеллигента – человека, больше понимавшего, более широко смотревшего на мир с прищуром легким. Это все от Одессы.

– Ну а официоз: комсомол, собрания, субботники, хор...

– Комсомол был. Хор был, в нем мы с удовольствием пели, потому что можно было пропускать уроки из-за конкурсов. Я пел вторым голосом.

– Твой интерес к режиссуре – откуда он?

– Как ни странно, от школы. Старшие классы, с девятого по одиннадцатый, – самостоятельный коллектив, безумно смешно играли, очень большой популярностью пользовались наши спектакли. Библиотекарша нас привлекла, а я был чуть ли не главным. Мы сами ставили (не было режиссера) чеховский «Юбилей». Вся школа смеялась. Особенно когда я (играл председателя банка) и партнерша – огромная девчонка – падали в обморок на диван на сцене школьного зала, и вдруг диванная спинка подломилась – и мы вверх ногами полетели. Хохот был! Мы на поклон не могли выйти, хохотали до колик. Вот первые театральные впечатления и ощущение успеха. Я уже тогда почувствовал, что владею залом.

– Какой была театральная Одесса 1960-х?

– Во-первых, не было телевидения, оно появилось позже. Во-вторых, проходили замечательные гастроли, они насыщали Одессу и ставили планку. Райкин приезжал, еврейский театр, столичные театры.

Не все спектакли нравились, но были события. Вот я помню школьное впечатление: Зайденберг в пьесе «104 страницы про любовь». Я смотрел этот спектакль в десятом классе вместе с Танечкой Емельяновой, которую тогда любил. Это было фантастическое ощущение – сидеть с ней рядом, касаться ее рук пальчиком. Весь в трепете просидел. И пьеса произвела неизгладимое впечатление.

В Музкомедию ходили как на праздник. Там был Водяной, но мне тогда больше нравился Крупник, он казался свежее. Это я сейчас понимаю, что был не во всем прав. Был Дынов, которого все любили. Нам передавалось в детстве, что вот он – кумир. Если поет Дынов, значит – первый состав, а второй состав не любили.

Но самое первое театральное мое впечатление – трагическое. Это опера «Дубровский». Я был совсем маленький, родители взяли меня на спектакль. И я до сих пор помню огромного великана – дядьку в красном халате с пистолетом в руках: когда он грохнул из этого пистолета, я разревелся, и родители вывели меня из театра.

Когда появился телевизор, стали больше видеть, лучше. Но по-настоящему в театральную жизнь я вошел гораздо позже. До этого были точечные впечатления.

А в институте, технологическом имени Ломоносова, я уже не мог без самодеятельности. У меня уже и опыт общения был – в замечательном неформальном клубе во Дворце студентов. Меня в четырнадцать лет туда отдали, потому что отца посадили, а мать пыталась меня пристроить, чтобы я не оказался на улице. Там вокруг библиотеки собиралась стайка молодежи – Боря Херсонский, Алик Бейдерман, Люсик Заславский, Леня Заславский, Верочка Тищенко, Гиммерфальб-младший... Замечательная компания. Мы вечерами приходили в библиотеку, закрывались там и – книжки, книжки, книжки читали. Кто-то стихи читал – свои, чужие. Потом появился самиздат.

В институте я пошел в самодеятельность с Валею Крапивой – он был моим учителем. Там был драматический коллектив, мы ставили пушкинские «Маленькие трагедии», делали композиции. А потом появился КВН.

Миша Малеев был первым капитаном, позже Валера Хаит. Валик Крапива посодействовал, меня взяли в строевой состав приравствия. Так что я был «трубочистом».

– Чем был КВН для Одессы?

– Это был выход! Настоящая Одесса со своей свободой, со своей остротой и остроумием появилась на всесоюзном экране. Это был момент самоидентификации города в масштабах всей страны. Это было очень звездно. Просто появление твоего лица

на экране делало тебя на какое-то время знаменитым. Друзья, знакомые, знакомые друзей, соседи, все говорили: «Мы тебя видели по телевизору». Это была гордость Одессы. И это было признание.

Были драмы. Несправедливая ничья в игре с московским мединком. Ничью сделали, потому что на самом деле Одесса победила. И в игре с Баку нас несправедливо засудили, и это было уже почти трагедией. Так что КВН – это было для нас серьезно.

– Кем вы себя ощущали внутри КВН?

– Нам резали тексты, мы боролись за шутки, мы старались вернуть что-нибудь острое. Мы пытались что-то продвинуть, что-то сказать, что-то осмыслить. Мы что-то понимали. Если мы до конца не были диссидентами, то тем не менее самиздат читали. И, конечно, мы хотели ущипнуть, конечно, мы хотели укусить, спрятать двусмысленность. И пошутить, и высмеять, но обязательно по социально-политической части. Это было верхом совершенства, если с телеэкрана звучала острота.

– А как сейчас воспринимается КВН?

– Сейчас уже другая жизнь. Все дозволено, обо всем можно говорить. Могу это оценить, но это уже далеко от меня. Уже самодетельности нет. Мне нужны более совершенные формы, и я их нахожу в другом месте.

– В знаменитой песне поется: «Но каждой весной так тянет сюда, в Одессу, мой солнечный город». Есть такая тяга?

– Да. Это мой город, это, безусловно, мой город. Я себя здесь чувствую хорошо. Я себя здесь ощущаю иначе. Хотя тут очень мало осталось друзей, но все равно они есть, есть знакомые, приятели. Здесь Жванецкий, а это и моя жизнь, и я внутри его жизни.

Здесь Всемирный клуб одесситов, здесь актеры, с которыми я работал, знакомые лица. Сюда приезжают все одесситы.

Вот сегодня я тоже встречался с семьей одесситов из Сан-Франциско, которые после двадцати лет приехали сюда впервые. Феликс Херсонский был осветителем первых спектаклей во Дворце студентов. Додик Макаревский приехал. Всех тянет сюда.

– А почему именно тянет?

– Камни, воздух, настроение, ритм. Я думаю, мы родились и выросли под ритм моря, и это ощущение уже у нас в крови, на клеточном уровне. Нет таких городов, нет такой вкусной еды ни в одной точке мира, в самом роскошном ресторане мира так вкусно не поешь. Под разговор еще тот. В Одессе есть лучшие черты провинции – уют, теплота, соразмерность человеку, улицы и кварталы соразмерны душе человеческой. Здесь можно ходить пешком, чего в Москве не сделаешь. И в то же время здесь огромные слои культуры. Может быть, не всегда уже в людях, но в памяти, книгах, воспоминаниях, камнях, зданиях, которые разрушаются. Это на клеточном уровне. Хорошо мне здесь – и всё. Что я могу сделать?

Вот сейчас что плохо? Этот воздух бархатистый. А зимой как было хорошо! Мы встречали Новый год – и вдруг ночью повалил снег. И мы ходили пешком по этому снегу в замечательной компании, и было весело, и тепло, и по-человечески.